

ДАЧНОЕ

Здесь древнее море лежало ничком,
А после с размаху гасили сачком
Глазастой крапивницы всполох,
Почти забывая про школу.

Здесь враг чёрно-белый ходил ходуном,
А после терялся кусок домино,
И что-то сажали в потёмки
Земли с нитью леса по кромке.

— Здесь тоже хоронят? Бабуля, смотри,
Я вижу деревья с крестами внутри,
Карьера и станции возле.
А что совершается после?
А что за название «Знамя труда»?
Оттуда их тоже привозят сюда?

Рванулся подол на перроне:
«Хоронят, хоронят, хоронят».

...Раздавленных бабочек пёстрый отряд,
В груди разорвавшийся древний снаряд.
Придвинулись тени лесные:
Поверхностные, полостные.

Моё пусто-пусто пустило росток
Из бледных подземных каких-нибудь строк.

(Один отсыхает эпитет.
Простите, простите, простите.)

И кто мне расскажет теперь про войну?

Карьер пересох, и по самому дну
К противоположному краю...

А после
Слова выгорают.

Оцепенев
В приёмном покое
(что ж это делается такое?),
Ждёшь своей участи, весь искомкан
Пальцами тишины.

И, оценив состоянья тяжесть,
Определяют, куда ты ляжешь,
Делают больно, светло и громко,
Делают, что должны.

Быстрые острые блики игл.
Если отхлынут — читаешь книгу,
Если везучий, возможно, койка
Выпадет у окна,

Где, наблюдая полотнищу тёмных
Хлопанье в небе (очнись, опомнись!),
Будешь утянут стихией горькой
За волнорезы сна.

И, кроме боли и порученья
Обрисовать её светотени,
Вряд ли ещё что-нибудь стрясётся,
Струдится полутьма.

Впрочем, бывает, что соположат
С неким привязанным, и по коже
От его криков мороз и солнце —
Мёртвое, сквозь туман.

Сердце, слежавшееся в гербарий,
Между страницами кротко шарит:
Что-то завещано вроде встречи,
Кто-нибудь навестит —

В сумерки лифта сомкнёт, похитит,
Узел с комком надорванных литер
На окрылённые вскинет плечи,
Чтобы встряхнулись в стих.

Ринемся вверх и вопьёмся в парус
Ветхого неба. Мне показалось,
Или всё рушится в самом деле
В самом низу, смотри!

Крошится мир, налетают птицы
(Всё это, в общем, не про больницу),
Боже мой, вот и прошла неделя,
Что теперь говорить?

ПО ПРОСЬБАМ НЕ ТРУДЯЩИХСЯ

По просьбам не трудящихся, а так —
Выпускников, пропитанных рассветом,

Бутылку проносящей мимо рта
Бездомной тени земляного цвета,

Младенцев, не умеющих слова
Пока сложить из режущихся звуков,

По просьбам тех, чья утром голова
С похмелья как тупой болящий угол,

И тех, кто на работу не пошёл
И курит, распечатав письма окон

(читая залпом в них, как хорошо
и как весенний воздух клином вогнан),

И дураков, что шлялись ночь насквозь,
Гримасничая от заветной тайны,

И тех, кто опоздал в гудящий сквот,
Заночевав у светлых и случайных,

По просьбам потерявшихся во сне
И городом проглоченных с бумажкой,

Внезапно оказавшихся вовне,
Где пусто, нескончаемо и страшно,

И тех, кто, свесив голову, присел
Там на поребрик или ограждение,

И мальчика, больного насовсем
Янтарным неземным оцепененьем,

И старика, впадавшего туда,
Где чёрный шторм размётывает сходни,

По просьбам всех, кто тяжесть и беда
И, в целом, наказание Господне, —

Вставало солнце.

КРЫША

Там, где заканчивался дом,
В сиявший пустотой проём
Горячим чёрным лепестком
Влетела крыша.
Наш молодой и пёстрый сброд
Сорвал печать, ушиб ребро,
И выразился серебром,
И взял и вышел.

Летело небо мимо нас,
Катилась кубарем весна,
Воркуя, лился лимонад
В настойку с перцем...
Спешили к краешку слова,
Ходила кругом голова,
И в сердце пламенный провал —
В огромном сердце.

Всё витражами застеклил
Закат, не трогавший земли,
И то, что надорвать могли,
Мы надорвали.
Я, свесив кеды, на краю —
Нагретом облаке в раю —
Но вот шумят, грозят, снуют,
Ребята, валим.

И мы свалились и летим,
Не раскрывается наш стих,
Лишь неисправно шелестит
Он, весь запутан...
А до земли подать рукой,
Во рту катая языком
Молчанья золочёный ком —
Таблетку будто.

ПАСХАЛЬНОЕ

Теплится верхний мир,
Свет пропускают ставни.
Господи, всё отними,
Только себя оставь мне.

У твоего окна
Птицей пою невзрачной,
Крошки пытаюсь догнать,
Лапками всё испачкать.

Щебет мой о силках,
Клёкот мой весь о клетках,
И удаётся втолкать
Слово про небо редко.

Впрочем, о нём и так
Ты знаешь всё до края.
Чёрной земли немота
К солнышку пригорает.

*Сноска под звёздочкой:
Бьюсь об углы на звёздах.
Больно и высоко
Тем, кто взвиваться создан.

Встретимся мы живьём.
Сквозь облака и сны я
Огненным воробьём
В двери Твои резные.

На самом солнечном и звонком деле,
Как это ясно знает детвора,
Он выдумал высокие качели,
Чтобы макушки чиркали о рай.

Заветным и неувимым завтра,
До слёз, до боли, до конца смеясь,
Я вырасту и стану космонавтом.
Воздухоплавателем буду я.

Протягивайте мокрые билеты,
Целуй ладонь, бетонная плита...

На все четыре буквы в слове «лето»,
На все четыре стороны взлетать.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОВОГОДНЕЙ НОЧИ

Опять виднеется пора
Смешного слова «мишура»,
Распахнутых чернильных льдин,
Рассветов поздних.

Стакан наполовину пуст,
Хрусталь наполовину хруст.
Кто Новый год встречал один,
Тот понял всё здесь.

И мне представилось вот так
Смотреть, как льётся темнота
На стык полуночи, снегов,
Площадки детской...

Довольно больно и смешно.
Гирляндами саднит окно,
И некого, и никого,
И выпить не с кем.

Кому курантов складный бой,
Кому невыразимый вой
Волков среди флажков, среди
Чужих салютов.

Наполовину из дымка
От фейерверков облака.
Я прижимаю их к груди,
Где холод
Лютый.

ОСТРАНЕНИЕ

А перед сном притаскивают мне
Дырявой памяти худые сети,
Как в школе музыкальный кабинет
Располагался в бывшем туалете.

На входе вместо раковин скрипел
Огромный, нотным жемчугом набитый
Сервант. Во всей повешенной толпе
Мне нравился Бетховен композитор.

Туда, где унитазам трём стоять
Предписывал характер помещения,
Вписались фортепьяно, стул и я,
Барахтаясь на странной этой сцене.

Учительница лилией цвела
В оставшемся пространстве санузла
И колыхалась волнами в дремоте,
Приоткрывая глаз на скверной ноте.

Отпущенное время истекло,
Но музыки полно не что иное:
Окно закрашено, белым-бело,
И мой сурок со мною.

ХОРОШО

Прописали перед сном
Порошок,
Только надо размешать
Хорошо
В ледяной воде у самой
Земли.
Это я о том, как снег
Повалил.

На ночь глядя, хладнокровную ночь,
Подо льдом которой слишком темно,
А поверх уже сияет вовсю —
чёрно-белый получается сюр.

Значит, точно поскользнусь, как пойду.
«Значит, я и оказался в аду».

Если хочешь досмотреть, то кивни,
И герой сбегает капелькой вниз,
Ядовитой, резкой, как аммиак.

И качелей сваи буквами А

Всё чернеют, из проталин растя.
Снег покачивают, словно дитя.

..Взвизгнули во весь опор лигатур:
«Что возьмёшь с собой в дорогу, Артюр?»

Хорошо, что всё теперь
Как у всех.
Хорошо, что суицид —
Это грех.

Рассветает: это тот
Свет.
Хорошо так, что и слов
Нет.